

УДК 070

**ДИСГАРМОНИЯ ДИСКУРСА РОССИЯ – ЗАПАД
(на примере Кавказского кризиса 2008 г.)**

© 2010 г.

О.А. Воронкова¹, Е.К. Павлова²¹ Институт социологии РАН, Москва² Московский госуниверситет им. М.В. Ломоносова

Helen_Pavlova@hotmail.com

Поступила в редакцию 24.03.2010

Политический дискурс между Россией и Западом во время Кавказского кризиса 2008 г. показал, что стереотипы «холодной войны» всё ещё препятствуют взаимопониманию.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая лексика, стереотипы.

Последнее десятилетие XX века и начало века XXI ознаменовались радикальными изменениями в мировой экономике, политике и культуре, вызванными глобализацией. С распадом СССР закончилась «холодная война», то есть глобальное противостояние Востока и Запада на почве идеологической несовместимости. Однако, несмотря на отказ России от коммунистической идеологии, на интеграцию её в мировую экономику и политику, наконец, несмотря на то, что советской власти в России нет уже почти 20 лет, отношения России и Запада всё ещё в значительной степени находятся во власти отживших стереотипов «холодной войны». Такое положение весьма опасно: недостаток взаимного понимания в политическом дискурсе существенно снижает эффективность международной кооперации для решения глобальных проблем; более того, он провоцирует международные, межэтнические, межконфессиональные противоречия и конфликты, опасность которых постоянно растёт – вплоть до реальной угрозы самоуничтожения человечества. Пример такого конфликта мы могли наблюдать в августе 2008 года.

Военное столкновение Грузии и России, произошедшее в 2008 г. при попытке грузинского руководства силовым путём решить проблему Северной Осетии, стало одним из самых драматичных событий XXI века. В то же время эта война, получившая название «пятидневной войны», несомненно, является порождением и продолжением глобального противостояния СССР и США во второй половине века XX. Несмотря на распад СССР и общее изменение расстановки сил в мире, на глобализацию мировой экономики и появление новых глобальных проблем, стереотипы политического сознания эпо-

хи «холодной войны» продолжают влиять на мировую политику.

Со стороны Запада риторика основывалась на сложившемся стереотипном образе России как имперской державы, агрессора, захватчика чужих территорий, тоталитарного государства. В освещении западными СМИ грузино-осетинского конфликта, в котором приняла участие Россия, преобладали такие лексические обороты, как российская оккупация территории Грузии, «российская агрессия», «вторжение». На первых заседаниях Совбеза ООН практической дискуссии по поводу конфликта вообще не возникло, поскольку западным политическим лидерам ситуация представлялась абсолютно однозначной и ясной. Стереотипный образ России (наследницы СССР) как чужой страны, врага сразу расставил все идеологические акценты в пользу Грузии. Во-первых, это маленькое, беззащитное кавказское государство, не способное противостоять российской военной мощи, а во-вторых, молодая свободная демократия, старательно берущая уроки у самой демократичной страны мира – США.

Стереотипное политическое мышление привело поначалу к полному отсутствию не только каких-либо попыток анализа ситуации с исторической и фактической точек зрения, но и к элементарному нежеланию участников заседания Совбеза ООН выслушивать какие-либо объяснения и аргументы России. Западные политические лидеры упорно и демонстративно не желали слышать о факте агрессии Грузии против Южной Осетии, потому что Грузия – страна, декларирующая лояльность и полное послушание Западу. Грузия – «своя», значит, все, что она делает, «правильно». Россия – «чужая и непонятная», значит, все, что делает она, «не-

правильно», и слушать ее аргументы совершенно не обязательно. Именно в таком русле развивалось начало «диалога» между Западом и Россией на заседаниях Совбеза ООН.

Но если представители Совбеза ООН действовали скорее по инерции стереотипного мышления, то заинтересованная сторона, в лице США – Грузии, представила намеренно искаженную реальную картину конфликта, продиктованную своими политическими интересами. США заинтересованы в расширении зоны влияния НАТО, доступе к кавказским природным ресурсам – Грузия является единственной альтернативой России в качестве маршрута трубопровода по доставке на запад нефти из Азербайджана. Грузия на всем протяжении грузино-осетинского конфликта не скрывала свой интерес в присоединении непокорных Южной Осетии и Абхазии.

С другой стороны, нужно отметить и Российский политический интерес на Кавказе: Россию явно не устраивает расширение и приближение НАТО к российским границам, равно как существование очага нестабильности у этих границ.

Каждая из сторон, защищающая собственные интересы, вынуждена искать оправдания своим действиям. Так, грузинский лидер оправдывает свои военные действия попыткой восстановления конституционного порядка, а российская сторона – необходимостью защиты независимых республик от агрессии. Однако оправдания часто переходят на эмоциональный уровень взаимных обвинений с использованием метариторики, выходящей за рамки обычной экспрессии и переходящей на уровень намеренно искажающей лексики.

Заголовки проамериканских газет: «This is how we will stand up to Russia's naked aggression» («Что мы противопоставим неприкрытой российской агрессии?») (<http://www.inosmi.ru/stories/06/06/13/3482/243671.html>), «Путин превращает Россию в фашистское государство» (<http://grani.ru/Politics/World/Europe/Georgia/m.139978.html>) – отличаются уже намеренно усиленной эмоционально-ассоциативной коннотацией.

Лексические выражения «неприкрытая (naked) российская агрессия» и «фашистское государство» демонстрируют попытку выставить Россию как еще более злодейское, варварское государство, чем был для Запада СССР во времена «холодной войны». Термин «naked aggression» – типичный пример ложной номинации, намеренно использованной для коннотативного усиления негативного образа: Россия

даже не пытается оправдать свои действия. И это несмотря на очевидный факт того, что Российский представитель в Совбезе ООН только тем и занимался на протяжении всего конфликта, что объяснял и разъяснял позиции России в конфликте и мотивы ее действий. Причины такого отношения понять нетрудно, так как после того, как Россия заявила о своих национальных интересах и стала выстраивать независимую от Запада политику, она вновь стала непредсказуемой и опасной для Запада. Унаследованный от времен «холодной войны» страх перед российской непредсказуемостью явился еще одним барьером на пути поиска истины в конфликте.

Российские СМИ (http://www.newpeople.ru/poslednie_aktii/net_fashizmu_saakashvili) также употребляли откровенно пейоративную лексику, дополненную видеоматериалом: Саакашвили был карикатурно представлен в роли Гитлера (<http://www.kp.ru/online/news/125240/>) и, в свою очередь, обвинен в фашизме. Усиленно подчеркивалась его психическая неадекватность – Саакашвили, жующий собственный галстук: «То, что он перед иностранным корреспондентом жует галстук, <...> говорит о высокой степени тревожности». Можно говорить и об утрате им «контроля над своим поведением, растерянности и вообще-то об огромном страхе, который владеет сейчас этим психически неполноценным человеком», – считает профессор Виноградов (<http://blog.derkach.biz/archives/240>).

В разбирательствах военных конфликтов принципиальным является вопрос о том, кто начал войну, так как симпатии общественности в конечном итоге принадлежат жертвам. Другое дело, что довольно часто определить фактического зачинщика бывает непросто, особенно в случае затяжных, растянутых на века, конфликтов, как, например, историческая вражда албанцев и сербов, осетин и грузин, арабов и евреев. И в грузино-осетинском конфликте августа 2008 г., имевшем долгую историю отношений и предысторию взаимных перестрелок непосредственно перед военным конфликтом, вопрос о том, кто начал агрессию, имел принципиальное значение. Однако важно то, что на первых заседаниях международных организаций такой вопрос и не ставился, так как ответ на него был предопределен. Поначалу никто и не пытался вникнуть в фактическое и историческое содержание конфликта, разобраться, кому, на самом деле, принадлежала инициатива агрессии. Никто не принимал во внимание тот факт, что Южная Осетия и Абхазия, по меньшей мере, спорные территории Грузии, так как данные

этнические анклавы на протяжении всей своей истории борются за независимость и автономию. Не вспоминали и о том, что присутствие в зоне конфликта российских миротворческих сил с 1992 г. вполне законно и поддержано ООН. Политические интересы и стереотипное мышление однозначно диктовало риторику в поддержку любых действий Грузии как молодой свободной демократии.

Проблема современного политического дискурса в том, что партнеры по коммуникации (международной, внутренней, на любых уровнях) не умеют, а часто и не стремятся понимать друг друга, все еще по инерции предпочитают метод силового проталкивания своих интересов, используя в качестве оправдания стереотипы прошлого. Но взаимные обвинения не способствуют взаимопониманию, зато явно способствуют победе в словесном споре, информационной войне, которая в наше время приобрела большую значимость, может быть, даже большую, чем война физическая. Цель информационной войны – переиграть противника в споре, и победа в этой игре обеспечивает поддержку международной общественности, что оказывает решающее влияние на исход событий.

Однако современную общественность уже не так легко ввести в заблуждение чисто пропагандистскими методами без фактического подкрепления. Быстро прогрессирующие информационные технологии, в частности появление Интернета, способствует расширению и развитию глобальной коммуникации. В современной коммуникации людей уже не удовлетворяют переводы или пересказы интересующих их событий, так как последние неизбежно искажены либо официозным, либо чьим-то индивидуальным видением. Любые пересказы вызывают недоверие. В интернет-форумах люди требуют ссылок на прямые источники, у них постепенно вырабатывается иммунитет против искажений и манипуляций. Любое событие в любой точке мира вызывает массу откликов и споров, и в этом глобальном форуме мнений официально тенденциозное представление информации быстро теряет силу, что произошло и в процессе грузино-российского конфликта. Критика официальных источников набрала большой размах с обеих сторон. В американских СМИ, наряду с голосами, поддерживающими правительство, появились выступления критического характера, осуждающие действия США – Грузии (<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/russia/2827424/Rebel-Republican-congressman-Dana-Rohrabacher-backs-Russia-over-Georgia.html>), равно как и российские СМИ давали не

только позитивную, но и негативную оценку действий российских военных. В частности, признавая, что у России не было иного выбора, как ответить на наступление Грузии на южно-осетинские населенные пункты военными действиями, российская общественность выразила сомнения в необходимости продвижения вглубь Грузии: «Но тут, естественно, и надо было остановиться. Т.е. мы не первые начали, но было бы очень достойно, если бы мы первые кончили. В этом случае мы бы и посмеялись тоже последние. Все вышло, к сожалению, совершенно иначе <...> из-за того, что наши, по непонятным для меня причинам, т.е. очень может быть, что это объяснимо какой-то военной логикой, но военная логика и вообще логика силы – это не логика умных современных людей, может быть, по военной логике мы действительно после этого должны были начинать бомбить аэродромы в Тбилиси, захватывать порт Поти, оккупировать город Гори и т.д. Я считаю, что мы это сделали абсолютно напрасно, надо было остановиться на границе Южной Осетии (<http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/536378-echo/>).

Фактор широкого общественного резонанса способствовал пересмотру позиций и высших международных чиновников в отношении конфликта. Невозможность скрыть от мировой общественности реальное положение дел заставила разрушить стереотипную установку и заявить о необходимости расследования фактической стороны событий, а также пригласить к политической дискуссии непосредственных участников конфликта – представителей Южной Осетии, которых поначалу даже не хотели признать равными политическими партнерами и не допускали на заседания Совбеза ООН.

Другим важнейшим стимулом, заставившим перейти от идеологической риторики к политической дискуссии, явился экономический фактор. Бурно развивающаяся в последнее время экономическая интеграция Западной Европы и России, практический интерес во взаимодействии заставил политических лидеров перейти с идеологических позиций на позиции здравого смысла, начать политическую дискуссию и вынести решения, способствующие нормализации ситуации.

Этот пример наглядно демонстрирует, во-первых, как старые лингвокультурные стереотипы мешают взаимопониманию в глобальной политике, а во-вторых, что современная политическая элита вынуждена осознавать необходимость их преодоления. Процессы глобализации экономики неизбежно заставляют бывших

политических противников искать общий язык, искать компромиссы, способные сгладить антагонизм политических интересов, отодвинуть его на второй план, выдвинуть на первый план необходимость экономического взаимодействия и интеграции – это наглядно продемонстрировал глобальный экономический кризис.

Может показаться, что задача преодоления дисгармонии политического дискурса решится сама собой. Может быть, такая точка зрения и была справедлива для прошедших исторических эпох, когда процессы политической интеграции проходили на протяжении столетий, но в современном мире региональные и глобальные проблемы настолько остры, что найти общий язык в глобальной политике нужно как можно скорее.

Для решения этой проблемы мы предлагаем провести гармонизацию концептосфер (понятийных систем). Концептосферы могут быть выражены в языковой форме в виде тезаурусов (национальных, региональных, профессиональных и пр.). Под гармонизацией мы подразумеваем знание и понимание объективных лингвокультурных различий, поиск компромиссов, поиск областей совпадения в системах понятий, расширение этих областей. Гармонизация не предполагает навязывания всему миру какой-либо одной системы понятий в ущерб всем другим, но она предполагает устранение когнитивных конфликтов, прежде всего тех, которые вызваны закреплёнными в массовом сознании отжившими стереотипами межнациональной вражды, идеологической конфронтации и ксенофобии.

DISHARMONY IN THE DISCOURSE BETWEEN RUSSIA AND THE WEST (AS EXEMPLIFIED BY THE 2008 CAUCASUS CRISIS)

O.A. Voronkova, E.K. Pavlova

Political discourse between Russia and the West during the 2008 Caucasus Crisis shows that the stereotypes of the Cold War still obstruct mutual understanding.

Keywords: political discourse, political lexis, stereotypes.